

УДК 02(092)(049.32)

А. Л. Есипов

Орловский государственный институт искусств и культуры

Е. В. Уварова

Библиотека средней общеобразовательной школы №13 г. Орла

Уникальные судьбы, уникальное время

Рец. на кн.: Глазков М. Н. Репрессированные советские библиотечно-библиографические деятели 1930-1941 гг. : учеб. пособие / М. Н. Глазков. – Москва : МГУКИ, 2014. – 106 с.

Ключевые слова: М. Н. Глазков, 1930–1941 гг., репрессии, Ю. В. Готье, В. И. Невский, В. Г. Киров, А. С. Бубнов, М. А. Смущкова, Н. В. Здобнов.

UDC 02(092)(049.32)

Alexander Esipov

Orel State University of Culture and Arts, Russia

Ekaterina Uvarova

Secondary School № 13 of the City of Orel, Russia

The Unique lives and the Unique Era

Review of the book [in Russian]: M.N. Glazkov. Repressed Soviet Librarians and Bibliographers in 1930-1941 : A tutorial / M. N. Glazkov. – Moscow, MGUKI, 2014. – 106 p.

Keywords: Mikhail N. Glazkov, 1930–1941, repressions, Yury V. Gotye, Vladimir I. Nevsky, V. G. Kirov. Andrey Bubnov, Maria Smushkova, Nikolay Zdobnov.

Учебное пособие профессора, доктора педагогических наук *Михаила Николаевича Глазкова*, посвящённое одному из самых сложных периодов отечественной истории – 1930–1941 гг., ориентировано на представителей профессионального библиотечного сообщества, книговедов, библиофилов,

историков и просто равнодушных к истории современников. Автор принял попытку системно осмыслить проблему репрессированных советских библиотечно-библиографических деятелей.

Книга состоит из семи тем-глав. В первой – развёрнутая характеристика советской государственной библиотечной политики изучаемого периода. Следующие шесть глав персонифицированы, т.е. каждая из них посвящена историческому лицу, так или иначе связанному со становлением библиотечно-библиографической науки и практики и попавшему под колесо репрессий.

Михаил Николаевич провёл кропотливую научно-исследовательскую работу по выявлению ранее неизвестных и недоступных фактов о Ю. В. Готье, В. И. Невском, В. Г. Кирове, А. С. Бубнове, М. А. Смушковой и Н. В. Здобнове, что делает издание по-настоящему уникальным.

Первое, что хотелось бы отметить в пособии, – это язык. Несмотря на серьёзность заявленной тематики, книга написана увлекательно, живым языком, что позволяет рассчитывать на широкий круг читателей и за пределами библиотечно-библиографической среды. Второе – материал изложен логично, лаконично и информативно. Форма лекции даёт автору по ходу повествования делать необходимые пояснения, возвращаясь к наиболее сложным аспектам темы. Для обеспечения объективности, которая провозглашается как основополагающий принцип данного исследования, Михаил Николаевич старательно избегает односторонности в освещении проблемы.

Напомним: М. Н. Глазков опубликовал более 370 работ, среди которых 8 книг, ряд самостоятельных научных и учебно-методических материалов, статьи в солидных журналах и сборниках. Так, в 2001 г. издано учебное пособие «Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917–1939)»; в 2004 г. – монография «Массовые библиотеки в контексте культурно-исторического пути России 1921–1941 гг.». Михаил Николаевич – автор-составитель сборника документов и материалов «Библиотечное дело в России (октябрь 1929 – май 1941)» (часть I вышла в 2006 г., часть II – в 2007 г.). В 2007 г. издана его книга «Цензура общедоступных библиотечных фондов в России в 1930-е – начале 1940-х гг.».

Таким образом, обозначенный в учебном пособии период – 1930–1941 гг. – входит в круг научных интересов автора уже давно, что дало ему возможность не замыкаться на исключительно биографических сведениях о репрессированных деятелях, а развернуть объёмную картину тех непростых страниц истории нашей страны. Вкупе с жизнеописанием отдельных выдающихся представителей библиотечно-информационной отрасли, читатель

получил возможность рассмотреть отличительные особенности предвоенного десятилетия и его неповторимый колорит.

Ещё одна отличительная черта новой книги М. Н. Глазкова – научная корректность, это качество, к сожалению, присуще далеко не всем исследователям. Материал излагается образно, живо, однако автор знает меру. В пособии нет излишней эмоциональности, горячности и поспешности в выводах, что свидетельствует о разработанности темы автором, его «не шапочном» знакомстве с архивными материалами, монографиями, публикациями специалистов. Удачно выбранный формат изложения – лекция – подразумевает список литературы к каждой теме, что и выполнено автором, а это показывает, какой огромный труд проделан при написании пособия. Для основной читательской аудитории М. Н. Глазкова – студентов, аспирантов, преподавателей профильных вузов – эти списки могут послужить также источником дополнительной информации по изучаемому вопросу.

Обратимся непосредственно к содержанию пособия. Рассматриваемый автором период развития отечественной истории характеризуется противоречивостью внутренней политики СССР и напряжённостью международной обстановки. Страна достигла удивительных успехов в экономике. «Ежегодный прирост всей промышленной продукции во 2-й половине 1930-х гг. составлял в среднем 13%, а оборонной – 39%. Таких темпов тогда не знало ни одно государство», – отмечает Михаил Николаевич. – Завершился процесс превращения нашей страны из аграрной в индустриальную. Советский Союз достиг экономической независимости от Запада». Но какой ценой был достигнут такой невиданный успех? Какие средства были пущены в ход? Милитаризация, жесточайшая централизация, административный прессинг с перегибом в сторону репрессий и т.д. и т.п. Насколько они были оправданы? На этот вопрос по-прежнему нет однозначного ответа.

Вопросы экономики, конечно, не являются ключевыми в книге. Автора и нас, естественно, больше волнует библиотечно-информационная сфера и её роль в истории. Какие значимые события происходили в 1930–1941 гг.? Это успешная борьба с безграмотностью населения, активная пропаганда книги, открытие новых библиотек и поддержка существующих, развитие и пополнение книжных фондов, применение научного подхода к проектированию библиотечных зданий, забота о техническом обеспечении библиотечных процессов. В том, чтобы библиотека как институт росла и крепла, было заинтересовано не только государство: поддержанная правительством общественность жертвует на это свои деньги и время.

И, наконец, работа с кадрами. Ещё в 1920-х гг. пришло понимание того, что «кадры решают всё». Напомним: первое высшее учебное заведение в

нашей сфере открылось только в 1930 г. – 10 июля начал свою деятельность Московский библиотечный институт (ныне – Московский государственный институт культуры). Он был организован на базе Научно-исследовательского кабинета библиотековедения, который с 1920 г. возглавляла Любовь Борисовна Хавкина.

Перечисленные в книге государственные и общественные мероприятия не оставляют сомнений в том, что вопрос развития библиотечно-информационной деятельности успешно решался. И осуществлялось это почти в том же режиме, как явствует из работы М. Н. Глазкова, что и подъём промышленного производства.

История науки – это история её выдающихся деятелей. Сегодня персонализация справедливо рассматривается учёными как важное направление научно-исследовательской деятельности. В книге М. Н. Глазкова, как уже отмечено, фигурируют шесть главных персонажей. На их биографии повлияли разные общественно-политические и идеологические процессы и события в государстве.

При строгом соблюдении принципов научной корректности, непредвзятости и критичности автор постарался воссоздать живые образы этих деятелей: опираясь на дневники, воспоминания современников, он успешно раскрывает их характер, привычки, взаимоотношения с людьми, отношение к библиотечной работе, государству и пр. Не последнюю роль играет яркий, образный слог автора и умение подобрать для каждого героя точную и ёмкую характеристику.

Характер отдельных персонажей повлиял на их судьбу даже больше, чем конкретные историко-бытовые условия, в которых им приходилось жить. Так, непримиримость, решительность и смелость *Владимира Ивановича Невского* (настоящее имя – Феодосий Иванович Кривобоков), его не вполне оправданная уверенность в собственной неприкосновенности создают ему дополнительные трудности на службе. Читаем: с 1899 по 1917 г. В. И. Невский имел 11 арестов и 8 лет ссылки за революционную деятельность. С 1925 г. вплоть до 1935 г. он, авторитетный большевик, занимал должность директора главной библиотеки страны – Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ГБЛ) и при этом активно занимался научно-исследовательской работой и пр.

С В. И. Невским ГБЛ поднялась на качественно новый уровень – растёт фонд, расширяется штат сотрудников, которым Владимир Иванович обеспечивает достойную заработную плату. Обо всем этом свидетельствуют приведённые в пособии цифры. Значимо, что именно при В. И. Невском в ГБЛ стали поступать два обязательных экземпляра всех выходящих на территории страны изданий.

Напомним: Российский общегосударственный обязательный экземпляр был учреждён ещё в 1783 г. указом Екатерины II о вольных типографиях. Согласно ему, один экземпляр всех изданий в России надлежало доставлять в Библиотеку Императорской Академии наук в Петербурге. После зарождения российских национальных библиотек обязательный экземпляр стали получать: с 1810 г. – Императорская публичная библиотека в Петербурге (ныне – Российская национальная библиотека), а с 1862 г. – Библиотека Румянцевского и Публичного музеев (ГБЛ – РГБ).

После Октября 1917 г. были необходимы новые законы, постановления для обеспечения полноценной и согласованной библиотечно-информационной деятельности. В 1925 г. В. И. Невский добился проведения через ЦИК СССР необходимых решений, касающихся обязательного экземпляра; тогда же ГБЛ была освобождена от оплаты коммунальных и почтовых расходов. С 1931 г. начала действовать Ассоциация научных библиотек Москвы под председательством В. И. Невского. В 1933–1934 гг. при ГБЛ образовано библиотечное издательство, которое выпустило целый ряд актуальнейших трудов. Дела этого трудолюбивого, ответственного учёного-революционера говорят сами за себя.

«В. И. Невский, очевидно, обладал перспективным мышлением. Он понимал, что ГБЛ – это не только крупнейшая библиотека. Она должна стать мощным профильным научно-исследовательским центром», – пишет М. Н. Глазков. Поэтому В. И. Невский привлекал к работе в библиотеке лучших специалистов из разных сфер и создал для них приемлемые условия труда.

Что значит приемлемые? Это не только достойная заработная плата и необходимые возможности для работы в учреждении, но и обеспечение определённых гражданских прав, в частности, права на безопасность. Владимир Иванович грудью защищал не только имущество библиотеки, главным образом, книжные собрания (несогласие с решением правительства продать за границу русский антиквариат, запрет на изъятие из фондов значительной части не рекомендуемой политической литературы), но и сотрудников от неоднократных процедур по «оздоровлению» интеллигентской среды – так называемых чисток кадров.

В. И. Невский с трудом выносил вторжение представителей правительства в свои «владения» и открыто выказывал недовольство. Невзирая на предостережения, он публично ходатайствовал за осужденных знакомых. Именно характер старого большевика, уверенность в собственном авторитете и своей неприкасаемости оказали Владимиру Ивановичу медвежью услугу.

Одним из видных сотрудников Румянцевской, а впоследствии Ленинской библиотеки с 1898 г. был *Юрий Владимирович Готье*, учёный-историк, археолог. Ему в пособии посвящена вторая тема-глава. В 1930 г. Ю. В. Готье инкриминировали руководство московской конспиративной организацией С. Ф. Платонова «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» и приговорили к пяти годам ссылки. Юрий Владимирович – единственный в учебном пособии представитель «старого режима», выходец из семьи коммерсанта. Выбор М. Н. Глазкова понятен. В его задачи не входило показать тяжелые последствия нового режима исключительно для людей несоветского склада – подобных общеисторических работ существует достаточное количество. В своём труде Михаил Николаевич обращает наше внимание на созидающую, но в то же время разрушительную силу революции в принципе.

Вернёмся к В. И. Невскому. В 1935 г. его осудили на пять лет, которые он отбывал в Суздальском исправительно-трудовом лагере. Однако решение оказалось не окончательным. В 1937 г. Владимира Ивановича вновь перевели в Москву – на Лубянку. Произошло это в связи с «Кремлёвским делом», которое до сих пор не рассекречено. М. Н. Глазков выдвигает любопытную версию, каким образом с этим уголовно-политическим делом мог быть связан В. И. Невский. Без документального подтверждения сложно сказать, насколько эта версия верна, но нет сомнений в том, что она не лишена здравого смысла. Так или иначе, 25 мая 1937 г. В. И. Невского приговорили к расстрелу за «активное участие с 1929 г. в антисоветской террористической организации правых и за создание в 1933 г. террористической группы». В 1955 г. он был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Трагичны истории и других деятелей, представленных в книге М. Н. Глазкова. Обратимся, например, к судьбе *Владимира Григорьевича Кирова* (настоящая фамилия Харик), успешному партийному деятелю. Его имя не на слуху не только у библиотечного сообщества, но и у историков. Однако в своё время В. Г. Киров был значимой фигурой. М. Н. Глазков первым начал возвращать это имя из забвения: в 2004 г. и в 2007 г. он опубликовал две статьи, посвящённые В. Г. Кирову. Уникальные сведения об этой непростой личности Михаил Николаевич сопровождает обстоятельным рассмотрением конкретно-исторических условий и жизни современников и «виновников» перипетий Владимира Григорьевича.

В судьбе В. Г. Кирова роль палача сыграл Н. И. Ежов – нарком НКВД СССР, учинявший расправы над политическими «преступниками». В своё время появился даже исторический термин «ежовщина», означавший (чита-

ем у М. Н. Глазкова) «предоставление НКВД временных чрезвычайных полномочий в борьбе с политическими противниками». Проверки, «чистки» и репрессии при Ежове носили особенно безжалостный характер.

Важно отметить, что у М. Н. Глазкова не было цели искусственно облагородить репрессированных советских библиотечно-библиографических деятелей и заклеймить позором лиц, причастных к принятию страшных решений, лишивших здоровья, положения, покоя и, наконец, жизни. Михаил Николаевич, как уже отмечено, избегает одностороннего взгляда в изложении исторических событий. Персонажи в его книге объективно рассмотрены не только как «жертвы красного колеса», но и как руководители, специалисты, участники политического процесса, совершавшие просчёты, ошибки и даже, возможно, преступления.

Для В. Г. Кирова его характер тоже оказался судьбой, как и для В. И. Невского. Несколько раз Владимир Григорьевич, словно феникс, возрождался на партийном и служебном поприще и с прежним упорством строил карьеру, которая всегда развивалась стремительно. Так, в 1933 г. он – заместитель начальника Библиотечного управления (БУ) Наркомпроса; в 1934 г. упрочил положение: сначала он – исполняющий обязанности, а спустя несколько месяцев – начальник БУ. Перед этим впечатляющим взлетом, а именно в 1931 г., будучи директором Сокольнического парка культуры и отдыха в Москве, он получил строгий партийный выговор за плохое руководство. На не менее удручающей ноте закончилась и предыдущая партийно-получекистская карьера В. Г. Кирова. В 1921 г. его исключили из партии за фальсификацию биографических данных и попутно охарактеризовали как «человека недостойного поведения, дискредитирующего советскую власть, ... несвободного от литературного плагиата» и др.

Из многочисленных стенограмм выступлений В. Г. Кирова на конференциях и совещаниях М. Н. Глазков сделал вывод, что он был человеком «напористым и энергичным, далеко не всегда деликатным по отношению к окружающим и не самым большим знатоком специальных библиотечных вопросов». В 1937 г. в газете «За коммунистическое просвещение» появилась заметка «Двурушник в роли руководителя библиотечным делом» и, собственно, после неё активную жизнедеятельность В. Г. Кирова можно считать законченной. В 1938 г. он был арестован, а в январе 1942 г. расстрелян в Магадане. Его палача – Ежова – расстреляли чуть раньше: в 1940 г. в Москве. «Колесо судьбы сделало свой оборот», – этими словами автор заключает главу о В. Г. Кирове.

Отметим, что, несмотря на обилие точной исторической, документальной информации, новая работа М. Н. Глазкова читается как добротный ро-

ман: в ней есть и фабула, и композиция. А наличие «загадочного» сюжета придаёт книге детективный характер. Это ещё одно её положительное качество. Пособие не страдает академизмом: оно не вызывает усталости от чтения и ощущения чего-то догматического и неподвижного. Согласитесь, что название книги «Репрессированные советские библиотечно-библиографические деятели 1930-1941 гг.» настраивает нас на вдумчивое, серьёзное чтение. Все эти настроения присутствуют, но поэтичность языка, продуманная композиция, откровенность автора (он подробно объясняет, почему пришёл к тому или иному выводу, с какими трудностями столкнулся, кто ещё прорабатывал эту тему и т.д.) делают книгу увлекательной и уникальной. Думается, что учебное пособие, написанное в научно-популярном стиле, – это то, в чём сейчас очень нуждается наше профессиональное сообщество.

Сегодня библиотеки теряют престиж, и это обусловлено различными факторами. Низкая заработная плата, комплектование по остаточному принципу, скудные средства на создание комфортной библиотечной среды, а также быстро развивающиеся электронные сети, которые являются одновременно и помощниками и конкурентами библиотеки в борьбе за информационное обеспечение пользователей. Всё это и ещё много другое ставит наше учреждение в зависимое положение. Тогда как в 1930-е гг. библиотека была одним из самых важных информационно-идеологических и культурно-образовательных центров. В ней нуждались. Государство выделяло на комплектование и докомплектование колоссальные средства, значительно совершенствовалась материально-техническая база в целом, неоднократно принимались правительственные решения по библиотечным вопросам. В то время советская власть строила новый мир, и в этом мире библиотека воспринималась как важный социальный и государственный институт.

Двигатель прогресса – люди, а не машины. Предвоенное десятилетие ознаменовано заботой о библиотечно-информационных кадрах: появились первый библиотечный вуз, сеть средних специальных учебных заведений, массовые курсы повышения квалификации библиотекарей. Правительство было заинтересовано в том, чтобы культурно-историческим богатством управляли достойные люди. И они представлены в книге М. Н. Глазкова.

От внимательного читателя не ускользнёт тщательно продуманное расположение материала в книге. За жизнеописанием В. Г. Кирова следуют две темы-главы о персонажах, которых связывает имя Н. К. Крупской. Первый из них – *Андрей Сергеевич Бубнов*, второй – *Мария Аркадьевна Смушкова*.

А. С. Бубнов – большевистский пропагандист, начальник Политуправления Красной Армии – в 1929 г. назначен главой Наркомата просвещения. Это была противоречивая, яркая личность, по словам современников, «са-

мозабвенно погруженная в работу». Изначально Н. К. Крупская (она была его заместителем) отнеслась к назначению А. С. Бубнова благосклонно, вплоть до восхищения, но впоследствии между ними возникла тайная вражда. М. Н. Глазков выразился экспрессивно, говоря о письменном обращении Крупской к Сталину: им она «забила последний гвоздь в гроб». Но и здесь автор предостерегает от одностороннего взгляда на жизнь и деятельность А. С. Бубнова.

Отнюдь не только откровенная критика А. С. Бубновым Надежды Константиновны стала причиной его трагической судьбы. Многие обстоятельства сыграли в ней негативную роль: среди них – политические колебания, неоднократное участие в оппозициях, «неудобные» друзья, неосторожные высказывания. А. С. Бубнов вызывает у рецензентов неподдельное уважение благодаря его недюжинным способностям и широте научных интересов, вниманию к служебным мелочам и людям. Да и нападки Крупской можно объяснить не только неприязнью к начальнику или мстостью, а страхом за себя, реакцией на определённые действия и пр. Этим и хороша книга М. Н. Глазкова – он показывает ситуацию с разных сторон. Вывод представляется делать читателю.

Биография М. А. Смушковой широко освещена в печати, поэтому М. Н. Глазков сосредоточивает внимание читателей на менее известных фактах её жизни. Вначале Н. К. Крупская оказывает ей покровительство, продвигает по службе.

Фактически М. А. Смушкова входит в большой библиотечный мир благодаря вмешательству в её судьбу именно Крупской, соратником которой она стала на долгие годы. М. А. Смушковой было всего 35 лет, а она уже совмещала три высоких руководящих поста: к концу 1920-х гг. заведовала Библиотечным отделом Наркомпроса, была председателем Центральной библиотечной комиссии, главным редактором журнала «Красный библиотечарь». И вдруг её карьера рухнула. По мнению автора, «свержение» Смушковой также связано с Крупской. Свою точку зрения Михаил Николаевич подробно объясняет, и она весьма убедительна.

Трудно не пуститься в подробный пересказ главы, посвящённой М. А. Смушковой... Если рассказ о В. Г. Кирове представляет собой детективный роман, то драма этой женщины романтична. Она оказалась ближайшим членом семьи «врага народа» и поступила не менее мужественно и преданно, чем жёны декабристов.

Последний персонаж книги – *Николай Васильевич Здобнов* – фигура таинственная. Среди репрессированных деятелей он выглядит таким счастливчиком: в 1919 г., когда реально был повод его «изъять», ему уда-

лось не только этого избежать, но и упрочить свой статус – его пригласили принять участие в работе комиссии по народному образованию. (Позже Н. В. Здобнову пришлось несколько месяцев провести за решёткой, но носило это, скорее, профилактический характер; ему повезло даже в годы «ежовщины».)

В профессионализме Н. В. Здобнова и сегодня не приходится сомневаться. Его научные труды актуальны и систематически используются профильными вузами в учебном процессе (в частности, его «История русской библиографии до начала XX в.»). Для студенческой среды он – один из самых известных деятелей. Его знают как профессора Московского государственного библиотечного института, специалиста по библиографии, члена Учёного совета Государственной центральной книжной палаты РСФСР. Причём это отнюдь не все должности, которые он занимал, и сферы деятельности, где он творил.

И всё же счастливая звезда Н. В. Здобнова закатилась. На него посыпались доносы, возможно, из-за зависти. М. Н. Глазков рассуждает о причине гибели такой значимой для библиотечного дела фигуры: как, что и кто повлиял на принятие решения о его аресте? Как бы то ни было, в 1941 г. Особое совещание НКВД СССР осудило его на 10 лет лагерей. К тому времени Н. В. Здобнову было уже 53 года, т.е. фактически его отправили медленно умирать...

История хранит ещё много загадок, пишет М. Н. Глазков, но «поздно или рано, всё тайное станет явным». Наша святая обязанность – чтить память и ценить труд людей, построивших наше настоящее. Для многих, особенно молодых специалистов библиотечно-информационной отрасли, изучение таких биографий и чтение книг, подобных труду М. Н. Глазкова, могут оказать полезную услугу – послужить хорошим примером мужества, преданности, любви к своей профессии.

Alexander Esipov, Cand. Sc. (Pedagogy); Assistant Professor, Orel State University of Culture and Arts;
ari-all@yandex.ru
15 Leskova str., Orel, 302020 Russia

Ekaterina Uvarova, Library Head, Secondary School № 13 of the City of Orel;
caterinkauv@rambler.ru
33 Roshchinskaya str., Orel, 302038 Russia